

Радик Яхин

Башкирское фэнтези 3

Радик Яхин
Башкирское фэнтези 3

«Автор»

2026

Яхин Р. С.

Башкирское фэнтези 3 / Р. С. Яхин — «Автор», 2026

В степях, где ветры переплетают шёпот ушедших эпох с мелодиями живой земли, живёт Булат — странствующий музыкант, хранящий в душе тайну: он слышит то, что недоступно другим. Голоса курганов, стоны земли, едва уловимые ноты забытых песен — всё это звучит в его сознании, требуя выхода через струны домбры. Но Булат боится: он знает, что некоторые песни способны изменить мир — и не всегда к лучшему. Однажды грозовая ночь приносит ему встречу с Алсу — загадочной девушкой с глазами цвета старого золота.

© Яхин Р. С., 2026

© Автор, 2026

Радик Яхин

Башкирское фэнтези 3

ЗАПРЕТНАЯ ПЕСНЯ ДРЕВНИХ

Ветер, пахнувший пылью и старой пылью, гулял среди безмолвных курганов. Он перебирал стебли ковыля, словно струны гигантского, забытого богами инструмента, и выл в глубоких расщелинах Уральских предгорий. Это был не просто ветер – это был шепот. Шепот тех, кто ушел, но чья тень еще цеплялась за склоны холмов, за камни, за корни древних сосен. Иногда, в особые ночи, когда луна становилась бледной и плоской, как серебряная монета, шепот сливался в едва уловимую мелодию. Ее слышали лишь немногие: старики, чей слух уже отказывался различать голоса живых, да безумцы, бродившие по степи. И еще один человек. Булат. Он сидел на краю самого высокого кургана, который местные звали Хан-Тюбе – Ханская Вершина. Его пальцы, грубые и порезанные, но невероятно чуткие, лежали на гладкой деке домбры, не касаясь струн. Он не играл. Он слушал. Слушал, как стонет земля под ногами. Слушал тишину, которая была громче любого гуля. В этой тишине жили голоса. Неясные, обрывчатые, как сон, который не можешь вспомнить наяву. Они звали. Звали его. И он боялся ответить. Боялся того, что случится, если его пальцы, помнящие каждую народную песню, каждую городскую балладу, наконец коснутся струн не для того, чтобы играть знакомое, а для того, чтобы озвучить эту тишину. Он вздрогнул, когда холодная капля дождя упала ему на тыльную сторону ладони. Гроза собиралась на западе, черные тучи пожирали последние полосы багрового заката. Пора было возвращаться в деревню. Булат встал, отряхнул с поношенных штанов прилипшие былинки и, накинув на плечи потрепанный чапан, последний раз окинул взглядом море темнеющей степи. Он не знал, что сегодня ночью шепот станет криком. И что крик этот будет обращен к нему. Дождь хлестнул ему в лицо, когда он спускался с кургана. Ветер теперь выл по-иному – не печально, а яростно, предвещая бурю. Булат ускорил шаг, прижимая домбру к груди, как дитя. Инструмент был теплым, почти живым. Иногда ему казалось, что он чувствует, как под полированной древесиной тихо вибрирует что-то, похожее на сердцебиение. Он отмахнулся от этой мысли – бред усталого путника. Но сердце его билось в унисон с надвигающейся грозой, с тревожным, нарастающим гулом, который исходил не только с небес, но и из-под земли, из самых курганов. Первая молния рассекла небо, осветив на мгновение всю степь ослепительно-синим светом. И в этот миг Булат увидел ее. На соседнем холме, у подножия старого, полуразрушенного каменного изваяния – каменной бабы, стояла фигура. Высокая, прямая, с развевающимися на ветру черными волосами. Она не пыталась укрыться. Она смотрела на него. Вспышка погасла, и тьма поглотила все. Когда грянул гром, заглушая все остальные звуки мира, Булат зажмурился. А когда открыл – фигура исчезла. Осталось лишь покалывание в кончиках пальцев и странная, незнакомая нота, застрявшая где-то глубоко в памяти, будто осколок того ослепительного света. Он почти бегом бросился к тусклым огонькам деревни вдали. Запретная песня начиналась не со звука, а с тишины. И с взгляда незнакомки в ночи.

Дождь лил как из ведра, превращая улицы деревни Акбузат в грязные реки. Булат влетел в свою саклю, захлопнув за собой скрипучую дверь, и прислонился к ней, переводя дух. Вода стекала с него ручьями, образуя лужу на земляном полу. Но холод, который пронизывал его, шел не от дождя. Он все еще чувствовал тот взгляд. Пустой и одновременно полный такой глубины, что в ней могла утонуть душа. Кто это мог быть? Никто из деревни не бродил бы по курганам в такую погоду. Да и силуэт был слишком странным, неместным. Булат растопил очаг, сбросил мокрую одежду и укутался в сухой войлок. Взяв домбру, он провел пальцами

по струнам, извлекая тихую, успокаивающую мелодию – колыбельную, которую когда-то пела ему мать. Звуки, знакомые и теплые, постепенно отогревали душу. Он уже почти успокоился, когда его взгляд упал на инструмент. Между нижней струной и грифом, там, где не должно было быть ничего, кроме темного дерева, лежал маленький, мокрый от дождя цветок. Ирис. Темно-фиолетовый, почти черный. Такие не росли в степи. Они цвели далеко, у подножия гор, возле ключей, считавшихся священными. Булат осторожно снял цветок. Лепестки были холодными и бархатистыми. Как он сюда попал? Упал с его одежды? Нет, он точно не ходил туда, где росли ирисы. Значит... Его сердце снова забилось чаще. Значит, он был не один на том холме. И незнакомка подошла к нему так близко, что смогла оставить этот знак. Или предупреждение. Утром шторм стих, оставив после себя вымытое, хрустально-прозрачное небо и землю, пахнущую озоном и мокрой полынью. Булат вышел из дома, прищурившись от яркого солнца. Деревня оживала после ночного ненастья. Женщины развешивали промокшие вещи, дети с визгом бегали по лужам, старики сидели на завалинках, степенно беседуя. Все было как обычно. Но Булат заметил, как на него косились. Взгляды были не враждебными, но настороженными. Он был чужим здесь, хотя и прожил в Акбузате уже пять лет. Пришедший из города менестрель, бросивший сытую жизнь странствующим музыкантом при дворе одного угасающего князька, чтобы играть для ветра и степных духов. Его уважали за искусную игру, но никогда не принимали за своего. Он знал их песни лучше, чем они сами, но в его музыке всегда было что-то... лишнее. Та самая нота, которую они не слышали, но чувствовали кожей. «Булат-эфенди», – окликнул его почтенный Акбар-ата, старейшина. Его лицо, изрезанное морщинами, как высохшее русло реки, было серьезным. «Ветер вчера сильно пел. И земля стонала. Ты был на Хан-Тюбе?» Булат кивнул, не видя смысла лгать. «Был. Слушал тишину». «Тишину?» Старик хмыкнул, поглаживая седую бороду. «На Хан-Тюбе нет тишины. Там говорят мертвые. Им не нравится, когда их тревожат». «Я никого не тревожил». «Само твое присутствие там – уже тревога, сынок. Ты носишь в себе музыку. А музыка – это ключ. К разным дверям». Акбар-ата посмотрел на домбру в руках Булата долгим, пронизательным взглядом. «Берегись, чтобы не открыть ту, которую запечатали предки. Некоторые песни должны оставаться забытыми. Их спели не для живых». Он повернулся и пошел прочь, оставив Булата с холодным комом в груди. Весь день Булат не мог избавиться от слов старика. Он пытался заниматься обычными делами: починил забор, настроил домбру, помог соседке донести воду. Но мысли возвращались к фигуре на холме, к фиолетовому ирису, который он теперь хранил за пазухой, к той странной ноте, возникшей в памяти после вспышки молнии. К вечеру он не выдержал. Взяв домбру, он ушел из деревни, но не на курганы, а в противоположную сторону – к лесу, что подступал к предгорьям. Там, в глубине, был родник, считавшийся местом силы. Может, там он найдет покой. Лес после дождя дышал влажным, густым паром. Солнечные лучи пробивались сквозь крышу из листьев, создавая столпы золотистого света. Булат вышел на поляну, где из-под огромного камня бил источник. Вода была ледяной и чистой, как слеза. Он присел на камень, закрыл глаза, пытаясь очистить ум. И тогда он услышал пение. Тихий, чистый женский голос, без слов, на одних гласных. Мелодия была простой и древней, как бег воды. Она струилась, переливалась, повторялась, словно мантра. Булат замер, боясь спугнуть. Голос шел откуда-то из-за деревьев, ближе к скалам. Он встал и, зачарованный, пошел на звук. Пение вело его по тропинке, поросшей мхом, мимо замшелых валунов, к небольшому гроту, скрытому завесой папоротников. Булат раздвинул листья и замер. Внутри грота, на плоском камне, сидела девушка. Та самая. Ее черные, как смоль, волосы были распущены по плечам, на коленях лежала простая деревянная флейта, но она не играла – пела. На ней было платье простого покроя из некрашеного льна, но сидело оно на ней с такой грацией, будто это были царские одежды. Ее лицо было бледным, черты – тонкими и удивительно четкими, будто высеченными резцом мастера. Но больше всего Булата поразили ее глаза. Они были цвета старого золота, меда, застывшего на солнце. В них не было ни возраста, ни времени. Она замолкла, услышав

его шаги, и повернула голову. В ее взгляде не было ни удивления, ни страха. Только спокойное, глубокое узнавание. «Я знала, что ты придешь, Булат», – сказала она. Ее голос был таким же, как пение, – текучим и звучным. «Кто ты?» – сумел выговорить он, чувствуя, как земля уходит из-под ног. Она медленно поднялась. «Меня зовут Алсу. И я ждала тебя очень долго. Ты – тот, кто слышит. Тот, кто может сыграть то, что не играли веками». Она сделала шаг к нему. «У меня нет песни, которую я ищу», – пробормотал Булат, сжимая гриф домбры до боли. «Она у тебя есть, – мягко сказала Алсу. – Она всегда была с тобой. Ты просто боялся ее услышать. А теперь время пришло. Шепот стал криком. Разве ты не чувствуешь?» Она протянула руку, и ее пальцы почти коснулись струн его домбры. В этот миг в Булате что-то дрогнуло. Глубоко внутри, в самом ядре его существа, отозвалась та самая незнакомая нота. Она росла, вибрировала, требовала выхода. И вместе с ней из глубин памяти, сквозь толщу лет и забвения, начал проступать обрывок мелодии. Дикой, скорбной, бесконечно одинокой. Мелодии, от которой кровь стыла в жилах. Алсу улыбнулась, и в ее улыбке была печаль целой эпохи. «Пойдем. Я покажу тебе, для чего нужна эта песня». Она вышла из грота, и Булат, не в силах противиться, пошел за ней. Он еще не знал, что делает первый шаг по краю бездны. Шаг, который навсегда разделит его жизнь на «до» и «после».

Алсу вела его не по тропе, а вглубь леса, где деревья становились старше и толще, а воздух густел от запаха хвои и влажного камня. Они шли молча. Булат слышал только шуршание своих шагов по палой хвое и тихое, ровное дыхание девушки впереди. Его ум лихорадочно работал. Кто она? Отшельница? Дух леса? Безумие, наваждение? Но ее плоть казалась настоящей, платье шелестело, а на запястье блеснул простой браслет из темного металла с выгравированными непонятными знаками. «Куда мы идем?» – наконец спросил он. «Туда, где спит Правда», – ответила Алсу, не оборачиваясь. Ее слова звучали как загадка, и Булат понял, что прямого ответа не получит. Они вышли на скалистый уступ над узкой, глубокой расщелиной, по дну которой с грохотом неслись горный поток. На противоположной стороне, частично скрытая каменным навесом и свисающими корнями древних деревьев, зияла темная пещера. «Там, – указала Алсу. – Но путь закрыт». Булат посмотрел вниз. До пещеры было метров пятнадцать по вертикали и столько же по горизонтали. Никакой тропы не было. «Как же ты...» Он не договорил. Алсу подошла к самому краю, подняла руки и снова запела. Но теперь это была не бессловесная мелодия. Звуки, которые она издавала, были гортанными, резкими, лишенными всякой человеческой теплоты. Они напоминали скрежет камня о камень, вой ветра в узком ущелье, треск ломающегося дерева. И случилось невероятное. Корни деревьев на противоположном склоне зашевелились. Медленно, словно пробуждаясь ото сна, они потянулись через расщелину, сплетаясь и перекручиваясь, образуя неровный, но прочный мост. Булат отшатнулся, глаза его стали круглыми от ужаса и изумления. «Что... что это?» «Язык древних, – просто сказала Алсу, умолкая. – Тот, на котором говорили с землей, с деревьями, с камнями. Его почти забыли. Остались лишь отголоски в шепоте шаманов. Идем». Она ступила на живой мост без тени страха. Булат, сердце которого колотилось где-то в горле, последовал за ней, моля всех богов, чтобы корни не подвели. Мост скрипел, но держал. Через несколько шагов они были у входа в пещеру. Внутри пахло сыростью, грибами и чем-то еще – сладковатым и тленным, как запах старых костей. Алсу достала из складок платья светильник-чираг, маленькую глиняную плошку с маслом и фитилем. Огонек замерцал, отбрасывая гигантские, пляшущие тени на стены. Пещера оказалась неглубокой. В ее дальнем конце, на каменном возвышении, лежал скелет. Не просто кости, а полный остов человека, одетого в истлевшую, но еще угадываемую одежду из кожи и меха. Рядом лежал расколотый щит, сгнивший лук и странный предмет – нечто вроде небольшой арфы или лиры, но сломанной, с порванными струнами, почерневшей от времени. «Кто это?» – прошептал Булат. «Воин. Страж. И певец, – голос Алсу прозвучал в темноте тихо и печально. – Его звали Ильгиз. Он был последним хранителем Песни до тебя.

Он пал, защищая вход, и унес ее с собой в небытие. Вернее, так все думали». Она подошла к скелету и осторожно коснулась костяной руки. «Песня не умирает, Булат. Она лишь засыпает. Она ждет нового голоса, новых рук, которые оживят ее. Ты слышал ее отзвук. Теперь ты должен услышать ее полностью». «Зачем? – вырвалось у Булата. – Что это за песня?» Алсу повернула к нему свое бледное лицо. В свете чирага ее золотые глаза горели, как угли. «То, что ты называешь смертью – лишь долгий сон. Песня Древних, истинная, полная ее версия, может разбудить спящих. Вернуть дух к нетленному праху». Булат почувствовал, как холодеет все внутри. «Воскрешение? Это... это против законов природы. Богов.» «Каких богов? – в голосе Алсу впервые прозвучала горькая нотка. – Богов, которые позволили пасть целому народу? Богов, которые забыли эти горы? Нет, Булат. Это древняя сила, старше любых богов. Сила самой Жизни, запечатая в звуке. Ею пользовались великие герои, чтобы вернуть павших в решающих битвах. Но потом... потом ее стали использовать без разбора. И она обернулась проклятием. Ее запретили, ноты разбросали по свету, а последнего певца убили». Она посмотрела на скелет Ильгиза. «Но песню нельзя убить. Она жива. Она здесь. В этих камнях, в этой воде, в костях стража. И она хочет, чтобы ее спели». Булат отвернулся, чувствуя приступ тошноты. «Я не хочу этой силы». «Ты уже имеешь ее, – настойчиво сказала Алсу. – Ты всегда имел. Разве ты никогда не замечал, что твоя музыка... влияет? Что после твоих песен раны затягиваются быстрее, увядшие цветы распрямляются, люди забывают о печали? Это отголоски. Твое врожденное чувство резонирует с Песней. Ты можешь больше. Ты можешь исправить старую несправедливость». «Какую?» «Моя сестра, – голос Алсу дрогнул. – Она пала рядом с Ильгизом, защищая это место. Ее тело унесли враги. Ее дух не нашел покоя. Я... я чувствую ее страдание все эти долгие годы. Ты можешь вернуть ее. Вернуть ее кости сюда и спеть Песнь над ними. Ты можешь дать ей покой. Дай мне эту мелодию, Булат. Дай мне надежду». В ее глазах стояли слезы. И в этот миг Булат, всегда боявшийся этой тайны, почувствовал не жалость, а страшное, всепоглощающее любопытство. Искусство, доведенное до абсолютной, божественной силы. Возможность коснуться самой ткани жизни и смерти. Это был вызов, от которого не мог отказаться его музыкантский дух. Он медленно поднял домбру. «Я... я слышал только обрывок. После молнии. Он вертится у меня в голове». «Сыграй его, – умоляюще прошептала Алсу. – Здесь, рядом с хранителем. Камни запомнят. Они помогут тебе». Булат закрыл глаза, отринув страх. Он искал в памяти тот звук. Нашел. Его пальцы, дрожа, нашли положение на грифе. Он дернул струну. Звук, чистый и холодный, как ледник, заполнил пещеру. За ним потянулся второй, третий... Они складывались в короткую, скорбную фразу. Воздух в пещере сгустился. Пламя чирага затрепетало и погасло. Но тьма не наступила. Кости Ильгиза начали светиться слабым, фосфоресцирующим голубым светом. Из них, будто пар, начало подниматься тонкое, едва видимое сияние. Оно колыхалось в воздухе, принимая смутные очертания – лицо, плечи, руки... Призрак Булат, замороженный, не мог остановиться. Он повторил фразу, варьируя ее. Призрак стал плотнее. В пещере запахло грозой и озоном. И тогда скелет Ильгиза пошевелился. Костяная рука с сухим шелестом поднялась и указала на сломанную лиру. Из глубину глазниц вспыхнули две голубые точки. Раздался звук. Не голос, а именно звук, прямой вибрацией в мозгу: «ДОПОЙ...» Булат в ужасе отпрянул, и мелодия прервалась. Призрак с рыдающим вздохом рассыпался светящейся пылью. Свет в костях погас. В темноте, которую теперь нарушал только слабый свет из входа, было слышно лишь тяжелое дыхание Булата. Алсу зажгла чираг снова. Ее лицо было бледным, но глаза сияли восторгом. «Ты видишь? Ты видишь?! Это работает! Всего несколько нот, и дух откликнулся! Представь, что будет с полной песней!» Булат смотрел на свои руки. Они тряслись. Он только что нарушил вечный покой мертвеца. Вызвал призрак. Искушение было слишком велико. Ужас – тоже. «Я... мне нужно время, Алсу. Я не могу...» «У нас его нет, – резко сказала она. – Шепот стал криком не просто так. Баланс нарушен. Другие тоже могут почуять Песню. Те, кто хочет использовать ее во зло. Мы должны найти ее первой. Все ее части. Я знаю, где искать. Но мне нужен твой слух. Твой дар». Она

протянула к нему руку. «Помоги мне. А я помогу тебе понять, кто ты на самом деле. Великий певец или просто испуганный человек с домброй?» Булат посмотрел на скелет Ильгиза, на его пустые глазницы, которые теперь казались укоризненными. Он посмотрел на пламенеющие глаза Алсу. И сделал выбор. Он молча кивнул. Путь был выбран. Первая нота прозвучала. Обратного пути не было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.